

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ О ЖАРеной ГОЛОВѢ.

(Изъ новаго Романа: Похожденія Хаджи-Бабы.)

(Продолженіе.)

Въ продолженіе сего монолога, Кіоръ-Али меподически дѣлалъ пригоптовленія свои къ брипью. Онъ выправилъ брипвы на прикрѣпленномъ къ кушаку ремнѣ, снялъ съ гвозди большой жестяной пазъ съ вырѣзомъ для шеи, налилъ въ оный горячей воды, и, держа пазъ въ лѣвой рукѣ, а правою размѣшивая воду, подошелъ къ безмолвному гостю, чпобъ обмочить ему голову. Коснувшись его кожи вынутою изъ кипяшку рукою, онъ вдругъ воскликнулъ: — „Ә! пріятель! эпо чпо за извѣстіе? У васъ тѣло, какъ ледъ.“ — Пытался вторично пошереть ему лобъ обмак-

нупою ладонью, брадобрѣй нечаянно сдвинулъ мертвую голову съ мѣспа, и она, со спускомъ, полетѣла, по пазу и скамѣ, на полъ, обливъ всего его горячею водою. Кіоръ - Али вспрыгнулъ отъ испуга, и отскочилъ въ уголъ своей лавки.

— „Аманъ аманъ! (прости! помилуй!)“ — вскричалъ онъ, дрожа весь отъ страха и прижимаясь къ стѣнѣ. „Бери себѣ мою лавку, бритвы, полотенца, бери все имущество, но оставь меня въ живыхъ! Если ты *шейтанъ* (чортъ), то возьми и душу жены моей, а только избавь меня, чѣмъ я не брилъ пивоей головы!“ —

Спустя нѣсколько минутъ, видя, что *шейтанъ* не шевелится, брадобрѣй ободрился духомъ, подошелъ къ головѣ, и, поднявъ ее съ земли на воздухъ за хохоль, остававшійся невыбритымъ на верхушкѣ, сталъ присматриваться къ ней съ крайнимъ изумленіемъ. — „Эпо чпо? *Валлахъ! билляхъ!* (ей! ей!), это голова!“ воскликнулъ онъ. „Какъ же она пришла сюда? Постой же, окаянная! Ты хотѣла навалишь мнѣ пеплу на голову, но я не оселъ: хотя я съ однимъ глазомъ, но вижу лучше пвоихъ двухъ. Всего удобнѣе было бы бросишь ее въ печь къ сосѣду нашему, хлѣбнику Хасану, — но эпошь сорванецъ, его сынокъ, шакъ и смеопринтъ прямо на мою лавку.

Нѣтъ божества, кромѣ Алаха, и Магомета Пророкъ его! Вотъ прекрасное средство! Я подарю тебѣ, миленька, Гяуру Янаки, Греческому *кебабчи* (содержателю харчевой лавочки): онъ изъ тебѣ нажаритъ *кебаба* для своихъ Невѣрныхъ поѣшителей.“ — При сихъ словахъ Кіоръ - Али надѣлъ свой свѣтло - зеленый *бинши*, или плащъ, просунулъ руку сквозь боковую прорѣху, и, взявъ ею голову за хохолъ, съ трубкою въ другой рукѣ, пошелъ, хромая, къ харчевой лавочкѣ Грека, лежащей улицы черезъ двѣ опшуда.

Кіоръ-Али посѣщалъ эту лавочку предпочтительно предъ Мусульманскими харчевнями, потому, что могъ безопасно пить въ ней вино. Онъ зналъ, гдѣ обыкновенно Янаки держитъ сырое мясо, изъ котораго нарезываетъ куски *кебаба*. И такъ, окинувъ взглядомъ его заведеніе, онъ подошелъ къ знакомому, темному уголку, и лишь только хозяинъ опворотился, непримѣнно уронилъ изъ-подъ помы голову, которая благополучно провалилась за припасенную на дневный обиходъ баранину. Пользуясь господствовавшимъ въ лавочкѣ мракомъ, онъ важно прошелся по опой, закурилъ трубку у жаровни, и ушелъ, заказавъ, для лучшаго предлога, сготовить и прислать къ нему на завтракъ блюдо *кебаба*, на которое, по мнѣнію его, имѣлъ полное

право послѣ случившагося съ нимъ въ по-
уиро приключеніи.

Янаки, между тѣмъ, чистилъ свои ско-
вороды, уставлялъ на полкѣ тарелки, соби-
ралъ роженки и прунки, растворялъ шер-
беть, и вымешалъ лавку. Устроившись над-
лежащимъ образомъ, онъ пошелъ въ свой кла-
довой уголъ, выбрать кусокъ мяса на кебабъ
для брадобря. Янаки былъ настоящій Грекъ,
серацемъ и душею — мерзкій ползунъ предъ
знашными, наглъ въ обращеніи съ бѣдными и
незначащими, прусъ, лгунъ, изворопливъ,
хиперъ. Душевно ненавидя гордыхъ своихъ
побѣдителей, онъ льстилъ безсовѣстно каж-
дому изъ нихъ, кланялся и подличалъ предъ
всякимъ мельчайшимъ Османлы, который удо-
стоивалъ его своего вниманія, и высывалъ
ему языкъ, коль скоро топъ отворачивался.
Разбирая свою баранину, онъ искалъ, нѣтъ ли
гдѣ куска несвѣжаго мяса на жаркое для его
пріятеля, поелки, по его благорасположенію
къ инверцамъ, и кобылье сперво было слиш-
комъ хорошо для Турка — собаки. Онъ осмо-
трѣлъ со всѣхъ сторонъ заднюю половину ба-
рана, понюхалъ ее, и сказалъ: — „Нѣтъ, это
пригодится для другихъ.“ — Попомъ отва-
лилъ рукою жирный курдюкъ, лежавшій по-
дальше, и нечаянно открылъ позади онаго ли-
це человеческое. Янаки испугался, и отско-

чилъ нѣсколько шаговъ назадъ. — „Ради свѣта глазъ вашихъ! кто тамъ? кто вы? зачѣмъ лѣзете изъ-подъ полу?“ вскричалъ онъ. — Не получивъ ни какого отвѣта, онъ пресѣлъ на пятки, и спалъ всматриваясь въ уголъ. Голова не прогалась съ мѣста: онъ ползкомъ подвинулся поближе, и наконецъ, исполнивъ храбрости, погрузилъ руку въ уголъ, гдѣ были свалены бараньи головы, ноги и кости, и вытащилъ ее опшуда. Держа ее со страхомъ на воздухѣ протянутою во всю длину рукою, Янаки узналъ по хохлу, что она была снята съ Мусульманскихъ плечъ, воспыалъ народнымъ чувствомъ ненависти къ сынамъ Омара, плюнулъ въ мерзвое лице, и воскликнулъ: — „Анаема на твою бороду! *Охъ, кайменосъ* (*)! Какъ же ты ко мнѣ попался? Дай, Господи, цпобъ васи головы просли такъ черезъ мои руки! Цпобъ я назѣрилъ изъ нихъ *кебаба* для всѣхъ Стамбульскихъ собакъ! Цпобъ всякій *Роменосъ* (Грекъ) насолъ сегодня подъ своею скамейкою точно такую голову, и поигралъ ею на дворѣ въ *цевгянь*! (**)“ — Тупъ онъ бросилъ голову на полъ, и сильно толкнулъ ее

(*) Окаленный! — слово, безпрестанно повторяемое Греками.

(**) *Чевгянь*, игра въ шаръ, который поговяютъ палками.

ногою. Удовлетворивъ своей злобѣ, онъ опомнился, и сказалъ: — „Но, конецъ концевъ, что мнѣ съ нею дѣлать? Если кто нибудь здѣсь ее увидитъ, то скажутъ, что я убилъ Турка. Постой! Хорошо, что вспомнилъ: найду я для нея мѣсто. Къ Зиду! — ахъ, какъ прекрасно! — къ Зиду! къ Зиду, котораго недавно казнили на площадкѣ.“

Сказавъ сіе, Янаки схватилъ голову подъ полу, и побѣжалъ улицей на ближайшую площадку. Посреди оной, на кучѣ навоза, лежало обезглавленное туловище бѣднаго Жида, долженствовавшее, по обычаю, оставаться тамъ нѣсколько дней сряду. Да будетъ извѣстно, что когда въ Турціи казнятъ Мусульманина, то отсѣченную голову кладутъ шрупу его подъ мышку, изъ уваженія къ сану Правосѣрнаго. Но если Жидъ или Христіанинъ подвергнется смертной казни, то, оборотивъ тѣло спиною вверхъ, голову выпыкаютъ ему межъ ногъ лицомъ къ свѣту и сколько можно поцѣлуютъ къ мѣсту, о которомъ не говорится и въ Алкоранѣ, хотя въ немъ говорится обо всемъ возможномъ въ мірѣ. Въ такомъ почтено положеніи находилась и голова Жида у бранныхъ его останковъ. Янаки возлѣ оной помѣстилъ голову, найденную въ харчевнѣ, сомкнулъ сълицемъ, и крѣпко сжалъ обѣ головы мерзвыми погами Жида. Хотя уже

было довольно свѣтло, но на улицахъ царствовала еще глубокая тишина, и Грекъ успѣлъ воропшиться домой, не бывъ никѣмъ примѣченъ. Онъ торжесествовалъ въ сердцѣ, что такъ удачно опомсшилъ врагамъ своего племени, пріиславъ для головы одного изъ нихъ самое позорное, по его разуму, помѣщеніе.

Жидъ, о которомъ здѣсь говорится, лишенъ былъ жизни по слѣдующему случаю. Его собратья, Жиды, были обвинены въ тайномъ похищеніи и убійствѣ Мусульманскаго ребенка, для добытія цновѣрной крови, безъ которой, по общепринятому на Востокѣ мнѣнію, Евреи не могутъ праздновать своей Пасхи. Обстоятельство сіе произвело въ просномъ народѣ столь необыкновенное волненіе, что, для усмиренія онаго, Правительствомъ рѣшилось пожертвовать однимъ Жидомъ. Въ слѣдствіе сего, поймали ночью одного безпріютнаго ветошника, и по улиру обезглавили его всенародно, какъ пресупника, уличеннаго въ похищеніи ребенка. Турецкій чиновникъ, коему было поручено исполненіе сего приговора, нарочно велѣлъ казнить несчастнаго Жидъ насупрошивъ дома одного именнаго Грека, чтобы испоргнуть у него богатый подарокъ. Онъ полагалъ, что когда прунъ начнетъ гнить, то хозяинъ дома конечно прибѣгнетъ къ сему естественному

средству избавиться отъ зловонія и отвращительнаго зрѣлища, почишаемаго однимъ изъ самыхъ неблагополучныхъ. Но Грекъ, не забоясь о слѣдствіяхъ, закрылъ всѣ спавни, и сидѣлъ спокойно дома. И такъ пожертвованный вепошникъ лежалъ безъ погребенія на кучѣ навоза, пока рѣшился дѣло между Грекомъ и Турецкимъ чиновникомъ о томъ, кто изъ нихъ упрямѣе. Изрѣдка только Мусульмане подходили къ нему, изъ любопытства. Жиды и Христіане не смѣли приближаться къ казненному, страшась насмѣшекъ и брани со стороны Правовѣрныхъ, которые сверхъ сего могли заставить ихъ убрать трупъ и оплестъ его, на плечахъ, на кладбище. Янки первый изъ Гяуровъ отважился присупить къ нему, когда никого не было на площади, чтобъ придать ему вторую голову.

День разсвѣлъ совершенно; улицы наполнились народомъ, и нѣкоторые изъ проходящихъ случайно примѣтили у Жиды лишнюю голову. Они остановились. Къ нимъ подошли другіе. Толпа болѣе и болѣе начала увеличиваться. Наконецъ спеченіе любопытныхъ сдѣлалось столь значительнымъ, что уже не помѣщалось на площадкѣ. Слухъ, происшедшій изъ середины сей многочисленной толпы, пронесся въ цѣломъ собраніи: всѣ повторили, что ночью свершилось чудо — Жиду отру-

били одну голову, а теперь у него двѣ! Немедленно молва о столь неслыханномъ дивѣ распространилась по улицамъ, кофейнымъ лавкамъ, базарамъ, и весь городъ, пришедъ въ движеніе, рѣкою устремился къ чудесному мѣсту. Но всѣхъ болѣе встревожены были **Жиды**. Они дали о томъ знать своимъ старѣйшинамъ: собрались научные и кагальники, и Санхедринъ рѣшилъ въ торжественномъ засѣданіи, что чудо сіе предвѣщаетъ нѣкое, весьма необыкновенное событіе, которое должно вскорѣ послѣдовать въ пользу **Иудейскаго народа**. Сыны **Израиля** сошли съ ума отъ радости; **Раббины** бѣжали назадъ и впередъ; все **Жидовское** сословіе спеклось на площадку. **Евреи** отчаянно пробивались сквозь толпу, чтобъ увидѣть благословеннаго мученика. Они теперь одни окружали мертвеца, не допуская къ нему иновѣрцевъ, и съ благоговѣніемъ ожидали той минуты, когда онъ вдругъ встанетъ, надѣнетъ на себя двѣ головы, и освободитъ ихъ изъ неволи *Госвѣ* (*).

Но, по несчастію, одинъ любопытный **Янычарь**, очистивъ себѣ дорогу апаганомъ, проникнулъ до самой кучи навоза, и разстроилъ всѣ ихъ благочестивыя надежды. **Янычарь** стоялъ нѣкоторое время предъ мертвецемъ

(*) *Голми* называютъ **Евреи** всѣхъ иновѣрцевъ.

въ совершенномъ ослѣбѣніи, колеблясь между гнѣвомъ и сомнѣніемъ; потомъ воскликнулъ:—„Алахъ! Алахъ! нѣтъ силы, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха! Вѣдь это не Гиурскія головы! Одна изъ нихъ собственная, коренная голова нашего начальника и господина Аги Янычарскаго.“ — При сихъ словахъ онъ кликнулъ своихъ товарищей. На его голосъ явилось нѣсколько человекъ Янычаръ. Всѣ они подтвердили его открытіе, приняли въ ужасную яросль, и побѣжали въ Орду, сообщивъ о томъ извѣстіе.

Страшное смятеніе вспыхнуло въ цѣломъ Янычарскомъ войскѣ. Они еще не знали, что любимый ихъ начальникъ, возведенный въ сіе званіе по личному ихъ выбору, былъ, въ исеченіе минувшей ночи, обезглавленъ по повелѣнію Султана. — „Какъ? нашъ Ага убитъ!“ возопили они. „Не довольствуясь споль въ-роломнымъ пролитіемъ крови, еще съ такимъ презрѣніемъ смѣютъ поступать съ несчастною его головой! И такъ насъ здѣсь считаютъ хуже Христіанскихъ свиней! Благородною головою Высокопеченнаго Аги Янычаръ запыкавъ самое позорное мѣсто опроверженнаго Жиды! Это что за извѣстіе? Тутъ не мы одни, а весь Исламъ, всѣ Правосѣрные сыны Пророка уничтожены, поруганы, посрамлены. Подобной обиды нельзя изгладить ника-

че, какъ испреблснїемъ цѣлаго рода Османова (*). Чѣмъ за пѣсь осмѣлился это сдѣлать? Какимъ образомъ попала сюда голова нашего Аги?“ — „Это выдумка собачьяго сына, Визиря!“ кричали одни. — „Рейсъ-Эфенди, Рейсъ-Эфенди присовѣтовалъ эту мерзость!“ восклицали другіе. — „Нѣтъ! это работа Франкскихъ Пословъ, шпионовъ, измѣнниковъ!“ опозвались многіе голоса. Заспѣвъ всѣ они заревѣли: — „*Валлахъ! биллахъ! таллахъ!*“ клянутся Аллахомъ, и священнымъ храмомъ Кяабы, и мечемъ Омара, и знаменемъ Пророка, чѣмъ кровью зальемъ всю Турцію!“

Стамбулъ представлялъ въ ту минуту ужасное, неизъяснимое зрѣлище. Буйныя толпы Янычаръ, вооруженныхъ съ ногъ до головы саблями, ятаганами, ружьями и пистолетами, бѣжали по городу, спрѣлая на починокъ холостыми зарядами, и грозя предасть все своей несповой мести. Жиды, въ отчаяніи, уходили и прятались; лавки и базары закрывались. Тѣсныя извилистыя улицы набиты были народомъ, волнующимся взадъ и впередъ при каждомъ опголоскѣ выстрѣла. Шумъ, визгъ, суматоха. Повсюду раздаются крики: — „Бунтъ! пожаръ! спасайтесь! Яны-

(*) Царствующей въ Турціи династїи.

чары зажигаютъ городъ!“ — Тревога дѣлается всеобщею.

Но оставимъ на время печальную сію карпину, и возвратимся къ Сулпанскимъ паламамъ, чѣмъ найши развязку спранныго приключенія съ головою вождя Янычаръ.

Въ то именно время, когда Сулпанъ послалъ евнуха своего, Мансура, искать для него поршняго, онъ далъ тайное повелѣніе отрубить голову Янычарскому Агѣ, главному виновнику возмущеній сей необузданной рати, для коей онъ былъ за то предметомъ истиннаго обожанія. Сулпанъ непрерывно ожидалъ извѣстія о томъ, что *Енигери-Агасы* уже не существуетъ, и приказалъ Капыджи-башѣ принести прямо къ себѣ безпокойную его голову. Чиновникъ сей, являсь съ кровавымъ доказательствомъ ревности своей къ службѣ Падишаха, заспалъ въ Сулпанской комнатѣ поршняго Бабадула, покойно спящаго на софѣ, и, при тускломъ свѣтѣ лампы, естественно принялъ его за Сулпана. Онъ ударилъ челомъ передъ поршнимъ, повергнулъ къ стопамъ его голову Аги, и удался. Но чистопели вспомнить, что до пришествія Капыджи-баши, грозное, богато одѣтое лицо важно прошло чрезъ комнату, и унесло съ собою узелъ съ плащомъ, который Мансуръ

оставилъ было порпному. Это былъ самъ Кровопроливецъ. Онъ хотѣлъ обмануть своего довѣреннаго евнуха, и скрывъ, даже онъ его въдома, родъ одежды, въ коей сбирался итти развѣдывать по городу. Для сего, онъ послалъ его внизъ съ мнимымъ порученіемъ, чтобъ между тѣмъ подмѣнить узелъ, давъ порпному образецъ и товаръ, вовсе неизвѣстные Мансуру. Но тогда, какъ Султанъ занимался укладкою оныхъ, евнухъ возвратился скорѣе предполагаемаго, и увелъ съ собою порпнаго съ узломъ, который въ томъ промежуткѣ времени 'Капыджи-баши принесъ и положилъ въ комнату. Кровопроливецъ скорѣе явился туда съ подмѣненнымъ узломъ, но уже никого не заспалъ. Ему казалось непонятнымъ, съ чѣмъ такимъ могли они уйти обратно, потому, что узелъ съ плащемъ находился въ его рукахъ, а о головѣ онъ и не думалъ. Онъ хотѣлъ было посласть за ними нарочнаго, но, по несчастію, не зналъ, ни откуда взять порпной, ни въ которую сторону они оправились. Между тѣмъ онъ удивлялся, что такъ долго не приносятъ ему головы возмущившаго. Пославъ узнать, пришелъ ли назадъ Капыджи-баши, онъ еще болѣе изумился, когда потомъ, являсь къ нему, спалъ увѣряя его, что имѣлъ счастье лично представить ему оную. По над-

лежащемъ объясненіи, Султанъ положилъ въ ротъ палецъ, и закаталъ головою.

— „*Анасыны сиктиль!*“ — клянусь своею бородою!“ воскликнулъ онъ: „вѣрно порпной, вмѣсто плащя, унесъ голову раба моего, Аги Янычарь.“

Султанъ дожидался возвращенія евнуха съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ перѣруки, потѣлъ, сердился, восклицалъ: „Аллахъ! Аллахъ!“, — и все таки не видалъ его возвращенія. Мансуръ, усталый и полусонный, припащился домой весьма не скоро, и вѣроятно не явился бы къ Султану, если бы потъ не позвалъ его самъ.

— „Ай, Мансуръ! бѣги немедленно къ порпному, и возьми назадъ узелъ,“ воскликнулъ Султанъ, увидѣвъ своего любимца: „онъ унесъ голову Аги Янычарь. Если не выпребуемъ ея обратно, то можетъ случиться бѣда.“ — Тутъ Султанъ объяснилъ ему всю загадку, и Мансуръ, зѣвая во весь ротъ, ушелъ искать порпнаго, хотя и самъ не зналъ, гдѣ его заспать. Безсспанъ былъ еще запертъ. Одна только кофейная лавка была въ немъ открыта: евнухъ зашелъ туда спросить, не знаетъ ли кто нибудь кварширы порпнаго Бабадула. Но въ лавкѣ даже этого было неизвѣстно. Мансуръ находился въ жестокомъ недоумѣніи, заболѣлъ въ равной

спешени о головѣ Янычарскаго Аги и о своей собственной, когда звуки упреніяго *изана* (*) напомнили ему, что Бабадуль занятъ поже должностъ *муэззина*, при маленькой мечети, лежащей у Рыбнаго рынка. Обрадованный снмъ соображеніемъ, евнухъ побѣжалъ шуда немедленно: онъ надѣлся поймать похищеніея важной государственной головы, когда шонъ будетъ скликашь Правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Подходя къ рынку, Мансуръ услышалъ старый, дрожащій голосъ, коимъ чахлая грудь Бабадула, съ крайнимъ напряженіемъ, смущала упреніую шшину околоска. Сшавъ у подошвы минарета, онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ на немъ поршняго. Бабадуль, ходя кругомъ по *шурфѣ*, или галереѣ, окружающей въ видѣ вѣнца верхнюю часть сей шонкой, высокою каланчи, зашкнувъ уши большими пальцами и держа ладони распростершыя, съ шашежъ разшнушымъ рпомъ, съ полу-прищуренными глазами, шашвалъ во все горло всенародное шповѣданіе вѣры. Мансуръ шшалъ махашъ на него руками, подавая знакъ, шшобъ онъ поскорѣ приходилъ къ нему въ низъ. Лишь только Бабадуль примѣшилъ евшуха,

(*) *Изанъ*, шзывъ къ молитвѣ съ минаретовъ, шшопѣваемыи *муэззинами* пять разъ въ шутки.

внезапное воспоминаніе о мертвой головѣ уронило его голову. Онъ только что завелъ на высокую нощу: *Вставайте, о слы . . .*, какъ въ другъ спускался въ половинѣ слова, и, не успѣвъ допытъ . . . *вущіе благовѣріемъ!* ибо молитва лучше сна, побѣждалъ къ Мансуру внизъ по крупной лѣстницѣ, вьющейся вверху минарета, къ крайнему соблазну жителей ближайшихъ домовъ, которые уже собирались пворить намазъ въ своихъ спальняхъ, по его краснорѣчивому приглашенію. Не дожидаясь, пока шопъ спроситъ его о головѣ, онъ самъ напалъ на него, и обременилъ укоризнами за его безбожную съ нимъ шутку.

— „Человѣкъ ли ты, или нѣтъ, оскверняешь такою мерзостью бѣднаго Эмира?“ воскликнулъ Бабадуль. „Мой домъ для васъ скопная бойня, что ли? Теперь ты вѣрно пришелъ за тѣмъ, чѣмъ прѣбываешь съ меня крови!“

— „Что за вздоръ мечешь въ воздухъ, пріятель!“ возразилъ евнухъ. „Ужели не видишь, что это произошло по ошибкѣ?“

— „Хороша эта ошибка, придумана нарочно, чѣмъ свалишь бѣду съ себя на другаго!“ сказалъ поршней. „Одинъ приходитъ, вредъ, морочитъ, чѣмъ заманилъ меня къ себѣ, подъ предлогомъ работы — другой уноситъ узелъ съ плащомъ — претій, вмѣсто

плашья, поддаетъ мнѣ человѣческую голову.
Аллахъ! Аллахъ! въ хорошее попалъ я ско-
пище мошенниковъ, плутовъ, ругильнъ!“

(Окончаніе впереди.)

II.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВЫ.

Франція и Англія.

Еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, силь-
ное и взаимное презрѣніе ко нравамъ сосѣд-
няго народа составляло опличительную чер-
ту народнаго духа во Франціи и въ Англіи.
Ненависть поставляли себѣ въ заслугу, пре-
зрѣніе почитали патриотизмомъ. На Лондон-
скихъ театрахъ видѣли только Французскихъ
Маркизовъ и поваровъ, пощихъ, въ напудрен-
ныхъ парикахъ, опличавшихся столь же про-
сподушною, какъ и дерзкою глупостію. Всякій
истинный Англичанинъ твердо былъ увѣренъ,
что зеленый супъ есть обыкновенная пища
Парижанина, что фрикассе изъ лягушекъ (*)

(*) Frog-eater, ѣдунъ лягушекъ, soup-meager, жид-
кій супъ, супъ насмѣшливыхъ прозвища, которыхъ
Англійскіе комики щедро расточаютъ Французамъ;
чернь приняла оныя за неоспоримыя истины.

составляетъ его лакомство, и что онъ не можетъ жить безъ танцевъ. По другую сторону пролива, то же просподушіе въ ненависти, та же глупая вражда. Если върнуть Фигаро Бомарше, слово *Goddam* составляло основаніе Англійскаго языка: Англичане ѣли сырое мясо, а большіе господа ихъ проводжали жизнь свою въ томъ, что били другъ друга до крови въ циркахъ кулачныхъ бойцевъ. Сіи столь основательныя и обсужденныя мнѣнія существовали долгое время; для уничтоженія ихъ едва доспало семи вѣковъ; потоки крови послужили только къ тому, чтобы придать имъ болѣе силы; земля и моря покрыты были трупами, принесенными на жертву сей взаимной ярости.

Наконецъ она утихла: одни только невѣроятныя, чудесныя происшествія могли укротить сію безразсудную ненависть. Мы обоюдно думаемъ, что у сосѣдей нашихъ есть что нибудь достойное уваженія. Мы уважаемъ націю, которую нѣкогда столь рѣшительно презирали, даже подражаемъ ей. Кто знаетъ, не будетъ ли наше удивленіе столь же безопытно, сколь слѣпо было наше презрѣніе? Англійскій дендизмъ переплылъ чрезъ каналъ, и вдоворился въ Парижъ. Французскіе актеры и моды сѣмались въ Лондонъ первою необхо-

димостию. Сіи народы, враги по происхожденію, промѣняли наслѣдственную вражду свою на пламенную дружбу; только въ малопросвѣщенныхъ классахъ находятъ еще слѣды старинной закваски.

Но характеры обоихъ народовъ еще отличаются замѣчательными разностями и рѣзкими оппѣнками. Они уже не ненавидятъ другъ друга, но еще не похожи одинъ на другой. Великая пружина пороковъ Англичанъ — деньги; характеристическая черта Французскихъ нравовъ — тщеславіе.

Слава, слава! вотъ смѣшное восклицаніе, слышимое въ буйномъ шумѣ мятежей, когда возстанетъ Французская чернь (*). Эль (ale)! пива! кричитъ Лондонская чернь, когда она недовольна. Въ Англіи выборы бываютъ шумны; но всѣ сіи клики продажны; большая часть несповсѣвъ куплена цѣною золота. Разыщите тайныя причины шума: вмѣсто безкорыстія великихъ спрасей, найдете всю жадность

(*) Французскій Переводчикъ сей статьи, занимаваемой въ *Revue Britannique* изъ *Edinburgh Review*, замѣчаетъ, что во время послѣднихъ смутъ, мастеровые и чернь требовали болѣе работы и хлѣба, нежели славы.

корыстолюбія; вмѣсто великодушнаго порыва, сопровождающаго оныя, откроете родъ политической фарсы, коей первая пружина есть нужда въ прибыткѣ, и коей дѣйствующія лица жадутъ только прибавки платы, чѣмъбы перемѣнить роль. При послѣднихъ всеобщихъ выборахъ много вѣстѣйствовало противъ безнравственности такъ называемыхъ закрытыхъ мѣстечекъ (*close-boroughs*, гдѣ нѣкоторое число подкупленныхъ избирателей безпрестанно подавали голоса въ предосужденіе законныхъ избирателей); сильными доводами доказывали, что необходимо отпереть оныя, и, е., допустить въ нихъ законное число голосовъ. Одинъ изъ самыхъ пылкихъ Орапоровъ, коего краснорѣчіе пробуждено было сею политическою безчестностію, воскликнулъ въ срединѣ рѣчи своей: „Въ настоящемъ положеніи вещей, голоса нашихъ избирателей покупаются по тридцати фунтовъ стерлинговъ; отперите — и будете имѣть избирателей по пяти фунтовъ шиллингу!“ Этимъ челоуѣкъ думалъ, что явилъ опытъ нѣжности чувствъ своихъ, и совѣсть не укоряла его ни въ чемъ.

Пороки, порождаемые корыстію, часто бывають менѣе ужасны въ своихъ послѣд-

ствіяхъ, нежели пороки, происходящіе отъ
спраси. Корыстолюбіе расчитываетъ, со-
ображаетъ вѣроятія успѣха, и не подвергнетъ-
ся большой опасности за малый прибытокъ.
Страсть не расчитываетъ: она спремитель-
но бросается къ цѣли, и ниспровергаетъ всѣ
препятствія. Сентябрьскіе дни, буйное звѣр-
ство низшихъ классовъ народа во время
Французской революціи, не могутъ повто-
риться въ Англіи; наши мятежи останавли-
ваются сами собою, наша чернь будетъ гра-
бить; чернь Французская, преданная спра-
стямъ, душивъ безъ жалости. Во Франціи,
гнусныя спраси народа, подавленное въ про-
долженіе шести сотъ лѣтъ, вспыхнули съ
1789 по 1799 годъ: взрывъ былъ ужасенъ. На-
родъ сей, омывъ мнимыя оскорбленія въ крови
дворянъ, копорые презирали его; революція
была поединкомъ на смерть, кровавымъ боемъ
между тщеславнымъ мѣщанствомъ и гордою
аристократіею.

Исканіе выгодъ и самолюбіе никогда не
преставали владычествовать обществомъ,
первое въ Англіи, второе во Франціи, гдѣ
оно распространилось отъ гостинныхъ до
хижинъ. Главный порокъ хорошо воспита-
наго челоѣка во Франціи есть жеманство,

а Англійскаго дженплмена—спѣсь. Одинъ хочеть бытъ опличень, какъ любезный чело-
вѣкъ; другой хочеть бытъ уважаемъ, какъ че-
ловѣкъ сильный. Мы имѣемъ припязаніе на
богатство, Французы на умъ. Мы ищемъ
вліянія и средствъ въ нашихъ сундукахъ; со-
сѣди наши полагаются на мнѣнія другихъ
объ ихъ дарованіяхъ и достоинствѣхъ: отъ
того происходятъ наша суровая гордость и
ихъ древняя вѣжливосць.

Во Франціи, почтенный челоѣкъ пошъ,
кто имѣетъ право на почтеніе; у насъ по-
чтенный челоѣкъ (*respectable man*) пошъ, ко-
его состояніе упрочено. Когда состояніе рѣ-
шаетъ достоинство, то легко опредѣлить
степени: для сего достаточно краткаго
арифметическаго исчисленія. Во Франціи по-
ложеніе челоѣка въ обществѣ гораздо не-
опредѣленнѣе: оно зависитъ отъ обществен-
наго своенравія. Наше положеніе есть толь-
ко борьба скупцовъ; положеніе нашихъ со-
сѣдей есть борьба самолюбцевъ.

Надобно было видѣть, какъ въ красные
дни Французскаго общества сіи самолюбцы
встрѣчались, избѣгали, ласкали другъ друга,
пришворствовали, боролись! Какая жизнь,
какое движеніе въ сей борьбѣ, какое иску-

спиво схватывають смѣшныя спороны, и взаимно находятъ оныя! Какая суетная и легкая вѣжливостъ выказывалась на семъ поприщѣ! Сравните сихъ щеславцевъ, старающихся выказать себя или взаимно помрачить, сію игру эпиграммъ, сей бѣглый огонь острыхъ словъ, сіе стеченіе кокетства—съ плясестію общества совершенно спрадасельнаго, въ которомъ золото владыка, выгода царь, гдѣ чествуютъ только два божества, гордостъ породы и богатства. Сии два рода гордости у насъ борются между собою. Люди знамнаго происхожденія имѣютъ приязнаніе на чести предписывать законы обществу; наши Англійскіе Перы и ихъ аколииты чванятся хорошимъ пономѣмъ, котораго не признаютъ въ людяхъ богатыхъ, но не знамнаго происхожденія. Такимъ образомъ составляетъ общественное положеніе, подраздѣленное на разные круги, коихъ нельзя переслупить, и въ коихъ огороженъ каждый классъ. Богатѣйшій негоціантъ не проникнетъ въ свѣтилище знамнаго дворянина; дворянинъ безъ состоянія опдѣленъ отъ богатаго; изъ круга въ кругъ вы сойдете, какъ Дантъ, до мѣщанства, которое также имѣетъ свои исключенія и свою іерархію. Но каждый стремится подняться и выйти изъ своего круга; копятъ деньги, выдають дочь за дворянина; проходятъ поколѣніе, внукъ негоціанта становится

ся знатнымъ и сильнымъ господиномъ. Сіе состояніе общества вмѣстѣ и рабское, и дерзкое, и скучное. Въ немъ развиваются нѣкоторыя прочныя качества: порядокъ, домоустройство и уваженіе къ семейственнымъ добродѣтелямъ могутъ процвѣтать въ немъ; но не ищите прелести и движенія, одушевляющихъ общество Французское.

Мода (*) въ Англіи (*fashion*) великолѣпна и торжественна; во Франціи она легка и суежна. Для насъ она идолъ эпикета, для нашихъ сосѣдей божество удовольствія. Великолѣпіе и роскошь, подчиненныя предразсудку чиновъ, вопъ все наше общество. Войдите въ гостиную, коей дверь открывается только для немногихъ избранныхъ и любимцевъ; въ ней царствуетъ молчаніе съ презрѣніемъ; каждый озираетъ своего сосѣда испытующимъ взоромъ, вопрошающимъ: богаче или знатнѣе меня? Дерзкая и гордая толпа, однообразно одѣтая, собралась, кажется, только для того, чтобы взаимно на-

(*) Слово *fashion* не соответствуетъ Французскому *mode*; его лучше бы можно было выразить словомъ *étiquette*: это дѣйствительно смѣсь принятаго или мнимаго изящества, важныхъ бездѣлокъ, означающихъ человека хорошаго тона, важныя ничтожности исключительной аристокраціи.

носишь другъ другу оскорбленія. Нѣкоторые нѣжности этикета, упоиченности роскоши и моды, составляютъ пробный камень хорошаго тона. Среди сихъ человѣческихъ истукановъ величественно зѣваютъ, и цѣною потеряннаго времени, удовольствій своихъ и пожертвованныхъ наслажденій покупаютъ честь присутствовать при церемоніи. Безъ сомнѣнія и въ Лондонѣ есть отборныя общества, въ которыхъ можно находить удовольствіе; но они состоятся изъ особъ, которыя путешествовали, сбросили ярмо обыкновенія, и ставятъ себя превыше тирана, называемаго fashion. Вообще жизнь *fashionable* состоитъ изъ дерзости, уничиженія, безпокойной гордости, тщеславныхъ низостей, безогчетной расточительности, внутреннихъ спраданій — жалкая и безпрерывная смѣна досадъ, которыя онъ терпитъ и заставляетъ терпѣть другихъ!

Можетъ быть, въ ролю само, измѣны, злодѣянія, клеветы у насъ рѣже, нежели у нашихъ сосѣдей. Мы въ семействѣ ищемъ удовольствій, въ коихъ отказываетъ намъ общество. Мы посѣщаемъ гостиныя изъ гордости и чтобы занять въ нихъ мѣсто — но за счастьемъ возвращаемся домой. Французы, напротивъ, извращаютъ сей порядокъ Англійской жизни; для нихъ удовольствіе въ

гостиныхъ; общество отъ того выигра-
ваетъ, семейственный привязанности те-
ряютъ: по крайней мѣрѣ таково было со-
стояніе монархической Франціи, со времени
Франциска I-го до Людовика XVI-го.

Предубѣжденія Англійскаго общества,
его спѣсъ, его педантизмъ, сдѣлали оное нена-
виснымъ для иностранцевъ. Мы имѣемъ цѣ-
ну только каждый лично и порознь. Чтобы
цѣнить насъ, надобно пожить въ деревнѣ, у
богатыхъ и честныхъ помѣщиковъ, коихъ
земледѣльческая и охотничья жизнь пропе-
кается почти патриархальнымъ образомъ.
Но если прѣхать въ Лондонъ и хладнокров-
но посмотришь на наши принужденныя ве-
черинки и на людей, въ нихъ преобладаю-
щихъ, то невозможно будетъ не почувство-
вать глубокаго отвращенія. Тамъ не ищутъ
ума, поклоняются вещественному превосход-
ству богатства и знатности.

Геній и умъ не внушаютъ соотече-
ственникамъ нашимъ истиннаго энтузіазма.
Чужестраннецъ нѣсколько знаменитый будетъ
у насъ принятъ лучше, нежели человекъ ве-
ликій. Иногда примутъ, какъ рѣдкую вещь,
предметъ моды или любопытства: актера,
пѣвицу, дикаря, знаменитаго человека, Сіамца,
Китайца, Голштеншота; эпо, на языкъ боль-

шаго свѣта, называется *львомъ* (*), родъ необыкновеннаго звѣря, показываемаго публикѣ, какъ леопарды и медвѣди въ звѣринцѣ. Вы привлекаете къ себѣ эти лица; они нужны вамъ, какъ и жирандоли, ониксовыя вазы и Кипайскіе экраны, украшающіе ваши комнаты. Нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія къ истинному превосходству, ни сколько искренняго участія къ высокимъ дарованіямъ. Г-жа Спаль и Баронъ Кювье едва были замѣчены въ Лондонѣ. Во Франціи, гдѣ нравственная порча была чрезмѣрна, Маркизь съ красными каблукми, соблазнитель по ремеслу, блестящій и безнравственный Бомарше, пользовались блистательною славою; ихъ существованіе основывалось на ихъ порокахъ и умѣ; но за то и Философъ Юмъ, скучнѣйшій смертный, наименѣе изящный человекъ, пользовался истиннымъ уваженіемъ; молчаніе его извиняли, неловкости его удивлялись; прекрасныя женщины ухаживали за его дарованіемъ, и забывали физическіе его недоспадки. Гиббонъ, еще спранный карикатура, имѣлъ не менѣе успѣха въ Парижскихъ гостиницахъ. Спернъ, не смо-

(*) A Lion. Байронъ былъ шакой левъ; какая нибудь знаменитая пѣвица есть львица. Въ Лондонѣ видѣли спранныхъ львовъ, между прочимъ Короля и Королеву Сандвичевыхъ острововъ: ихъ рвали другъ у друга къ себѣ на вечеръ.

пря на принужденную его странность, Франклинъ, не смотря на его просиоту, на его длинные непудренные волосы и квакерскую одежду, были тамъ уважаемы. Все прощали могуществу дарованія, даже добродѣтели.

Духъ общества во Франціи и въ Англіи подвергся измѣненіямъ; кажется даже, что общій и центральный законъ тяготѣнія сблизилъ оныя одно съ другимъ, и началъ сливать ихъ характеръ и пороки. Уже суестьность Парижскихъ гостинныхъ измѣнилась подъ вліяніемъ XIX столѣтія. Уже аристократическое могущество въ Англійскихъ drawing-rooms (*) уступаетъ успѣхамъ просвѣщенія и склонности къ умственнымъ наслажденіямъ: перемѣна сія еще мало чувствительна, — новый опшѣнокъ легко могъ бы ускользнуть отъ неопытнаго наблюдателя.

Отъ женщинъ, и отъ однихъ женщинъ происходитъ вліяніе, которымъ измѣняется общество, и соспавляется то, что называютъ модою. Должно ли ограничивать сіе вліяніе? Нѣтъ, но надобно давать оному направленіе: это дѣло воспитанія.

Я согласенъ въ томъ, что воспитаніе, которое мы даемъ дочерямъ нашимъ, все-

(*) Гостинныя. Англійскія залы огромны, и назначены для баловъ и концертовъ.

лещъ въ нихъ склонность къ семейственнымъ добродѣтелямъ и скромнымъ занятіямъ. Но находясь подъ владычествомъ великаго начала Англійскаго общества, корысти, онѣ при семъ воспитаніи научаются съ раннихъ лѣтъ предпочиташъ деньги всему прочему. Мы продаемъ ихъ тому, кто дастъ болѣе всѣхъ. Мы приучаемъ ихъ къ безпредѣльному лицемерію; онѣ у насъ научаются бросать свои сны въ бездну общества, и употреблять припанкою наружность чувствительности и добродѣтелей. Такимъ образомъ должно изъяснять ихъ уваженіе къ безсмысленной роскоши; не удивляйтесь же, что пріятности ума остаются въ подобномъ обществѣ безъ вліянія; человекъ бѣдный, но умный и любезный, есть странный предметъ для опцевъ; они стараются внушать дочерямъ своимъ ужасъ къ тѣмъ опаснымъ людямъ, которые правятся сами собою и не опираются на полный сундукъ. Умъ и сердце женщинъ сжимаются, энтузіазмъ ихъ умираетъ; онѣ приносятъ въ свѣтъ привычку видѣть нравственность только въ деньгахъ, а честь въ выборѣ мужа знатнаго, съ вліяніемъ и богатаго (*). Тѣ, которые употребили хип-

(*) Сей же опшѣнокъ нравовъ спалъ замѣненъ и во Франціи и непрестанно распространяется: этому служатъ доказательствомъ остроумныя

рость, чтобы поймать миллионщика или наследника Герцога, во всю жизнь свою не забываютъ сихъ правилъ и сего воспитанія. Инприга нравился имъ; онъ предаются ей по привычкѣ; тогда онъ уже не могутъ извиняться юношескими чувствами, очарованіемъ любви. Имъ нужно было прилично пристроить себя; теперь имъ надобны мѣста, пшпуды, почестій: рассмотримъ послѣдствія сей склонности и општѣнку, которую она кладетъ на все общество.

Наслушавшись вдоволь о частныхъ добродѣтеляхъ, Англичанка не знаетъ, что есть и общеспвенныя добродѣтели. Она избрала мужа по его богатству, и спарается только о томъ, какъ бы увеличилъ оное. Она будетъ вѣрною подругою, нѣжною матерью, преданною женою, будетъ раздѣлять съ мужемъ его несчастія, утѣшать его въ печали. Но пусть представится случай, въ которомъ бы правила и выгоды противоборствовали между собою, гдѣ бы надобно было избирать между поспыдною плашою и честною, великодушною бѣдностію; между прибыточ-

картины Скриба; въ послѣднихъ сочиненіяхъ его весьма вѣрно отражаются сія перемѣны и необходимыя ея послѣдствія.

нымъ мѣстомъ и славою жертвы, принесенной общему благу. Какое вліяніе будетъ имѣть жена? На которую сторону заспашишь она перешагнущъ вѣсы? Нѣжность ея не будетъ ли способствовать къ запятнанію имени ея мужа? Не извинишь ли она въ глазахъ его стыдъ продажнаго голоса, низость неотступной просьбы? Семейственный эгоизмъ ея поспѣгнетъ ли преданность долгу и безкорыстіе государственнаго чловѣка? Воспитаніе, которое она получила отъ насъ, не заспавишь ли ее посмѣяшся надъ онымъ, отвергнувъ сіи старинныя заблужденія патріотической добродѣтели, какъ романтическую декламацію? Чпо ей до заслуги, которой она не понимаетъ! Она хочетъ видѣть успѣхи дѣтей своихъ: у вельможи много милостей для нихъ; мужъ по неволѣ долженъ угождать Его Высокопревосходительству! Продолжатъ ли? Сказать ли, какъ часто женское щеславіе, оскорбленное или ласкаемое, ревность, язвительная остроша, жалкое соперничество въ нарядахъ, совращали мужа съ пути чести? Покажутъ ли, сколь много женщины способствовали къ порожденію наружной роскоши, свойственной Англичанамъ, охоты блеснуть, показывать богатство, котораго нѣтъ, сего бича — разорительнаго щеславія, которое

преступаетъ границы дохода для удовлетво-
ренія безумія, лишаетъ спокойствія, благо-
состоянія, довольства, и на счетъ истинныхъ
наслажденій покупаетъ жалкое удовольствіе
унизить другаго? Даже тѣ женщины, которыя
у насъ оспаются чужды дѣламъ политиче-
скимъ, въ цѣдрѣ семейства своего упоиребля-
ютъ свое вліяніе, испорченное и разруши-
тельное.

(Окончаніе впрѣдъ.)

III.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Послѣдній блескъ и паденіе древней Романти-
ческой Поэзіи въ Германіи.

*(Изъ Исторіи Нѣмецкой Литсратуры, соч. А. Лоевъ-
Веймара, Ч. I. гл. III).*

Древняя Рыцарская и Романшическая По-
эзія Нѣмцевъ претерпѣвала уже при Рудоль-
фѣ Габсбургскомъ одно изъ измѣненій, нами
означенныхъ: она представлялась въ дидакти-
ческой формѣ; умствование болѣе и болѣе про-
никало въ игру воображенія, а мысли служи-
ли для прикрытія погрѣшностей въ вымыслѣ

пустотѣ чувствованій. Изъ всѣхъ Спихотворцевъ Древней Школы, процвѣтавшей еще въ сіе время паденія вѣка Швабовъ, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшій былъ *Конрадъ Вирибургскій*, котораго можно назвать Нѣмецкимъ Маро. Онъ является въ Нѣмецкой Исторіи Наукъ какъ послѣдній представитель Романтической и Рыцарской Поэзіи. Будучи однимъ изъ прудомлюбивѣйшихъ и лучшихъ Швабскихъ Спихотворцевъ, Конрадъ спихотвореніями своими удивительно какъ харацтеризуеетъ различіе, находящееся между Поэтами того вѣка и пѣтми, кои имъ послѣдовали. Обстоятельства жизни Конрада вообще неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ жилъ въ концѣ XII ст. и кончилъ жизнь свою въ Фрейбургѣ, въ Брейсгау. Его спихотворенія доказываютъ негодованіе, которое онъ имѣлъ на слишкомъ мало поэпическій духъ своего времени и на слабый энтузіазмъ къ Музамъ; онъ горестно жалуется на паденіе благородныхъ нравовъ и рыцарскихъ понятій того вѣка, съ нимъ же окончившагося. „Однако же“ говоритъ онъ: „я не оспариваю ни пѣнія своего, ни лиры; но буду подражать храбрымъ предкамъ своимъ; буду продолжати пѣтъ, подобно соловью, пѣсни коего раздаются по лѣсамъ, и кошорый не за-

бопится, внимаютьли его звукамъ (*).“ Изъ всѣхъ сохранившихся стихотворныхъ сочиненій Конрада Вирцбургскаго, Поэма: *Троянская война* есть безъ сомнѣнiя то, въ которомъ онъ наиболѣе показалъ свой талантъ. Но онъ самъ признается въ сей Поэмѣ, что содержанiе оной было имъ заимствовано изъ сочиненiя, писаннаго на Вельшскомъ (Welsche) языкѣ (**). Сiе признанiе, въ то время заслужившее ему славу, совсѣмъ не доказываетъ, что Конрадова Поэма было одно только подражанiе какому нибудь Италiянскому сказанiю; должно также замѣтить, что вѣроятно онъ прибавилъ къ ней множество эпизодовъ, сообразныхъ съ генiемъ своей нацiи; стихосложенiе сей Поэмы самое народное: оно состоитъ изъ небольшихъ стиховъ, безъ спрота и безъ правильныхъ римовъ. Въ ней видны сильныя выраженiя и блестящiй колоритъ; но за то она наполнена излишними подроб-

(*) Ich taete alsam die nachtegal

Dü mit ir sanges töne

Ir selben dicke schoene, и проч.

(Изъ стихотворнаго введенiя къ Поэмѣ: *Троянская война*, Конрада Вирцбургскаго).

(**) Von Wirtzbugich Cuonrad

Von welsche in tütsch getichte,

Mit rime gerne richte

Das buoch von Troye, и проч.

ностями, часто утомительными и гораздо менее заслуживающими вниманія, нежели тѣ, которыя находились въ пѣснѣ о Нибелунгахъ.

Въ царствованіе Рудольфа Габсбургскаго, когда еще пѣсни менестрелей не умолкали, явился Стихотворецъ, который, казалось, предвидѣлъ вѣкъ Мейстерзенгеровъ. Онъ извѣстенъ въ стихотворныхъ собраніяхъ подъ именемъ *Эслингскаго школьнаго Учителя*. Можетъ быть, въ то время онъ былъ ученымъ Ректоромъ какой нибудь школы. Ему трудно было умолчать о нерадѣніи Императора Рудольфа къ Поэзіи и Наукамъ; его негодованіе изливается въ грубыхъ сапиряхъ, рѣмованныхъ самымъ жалкимъ образомъ (*). Большая часть намѣтковъ, заключающихся въ его сапиряхъ, сдѣлалась нынѣ непонятными.

Мейстеръ *Регенбогъ* жилъ почти въ то же время. Нѣкоторыя выраженія Мейстерзенгеровъ ближайшаго времени заславили заключить, что онъ былъ кузнецомъ въ Майнцѣ. Судя по опривкамъ изъ сочиненій сего Стихотворца, находимъ, что онъ былъ однимъ изъ прудолюбивѣйшихъ писателей столь мало стихотворной школы XIV ст. — *Румсландъ*, по видимому Саксонецъ, искуснѣе

(*) Собраніе Манесса Т. II, стр. 93. — Доселѣ древнихъ Стихотворцевъ.

умѣлъ владѣть лирою; но мало пѣщическій геній увлекалъ его въ правоученія и миспидизмы, которые, если и оставлялъ онъ, то для похвалы своимъ патронамъ, или для разсказа какого нибудь забавнаго происшествія, наполняя оный различными выраженіями и игрою словъ, показывавшими его дурной вкусъ. Сюскиндъ, Жидъ, принадлежишь также къ Спиховорцамъ, которые послѣдовали Миннезенгерамъ или минеспрелямъ. Муза его, сама по себѣ, представляетъ нѣкоторую важность и силу; онъ писалъ лирическими спрочами и употребилъ сей родъ Поэзіи на полезные совѣты и на сапиры на дворянъ (*), которые, въ то время, предавались, безъ малѣйшаго обузданія, всякаго рода невоздержности. Но изъ всѣхъ Мейстерзенгеровъ знаменитѣйшій, безъ сомнѣнія, былъ *Генрихъ Миссенъ*, или *Мейсенъ*, Докторъ Богословія въ Майнцѣ, прозванный женскимъ *апологистомъ* (Frauenlob); онъ обязанъ своею знаменитостію болѣе стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, нежели своему пѣщическому достоинству. Въ самомъ дѣлѣ, не лестно ли было видѣть

(*) Какъ, напримѣръ, въ началѣ сей спрочы: „*Weg adelichen tuot, den wil ich han für edel.*“ (Того только почту благороднымъ, кто поступаетъ благородно).

Мейстерзенгерамъ, что знаменитый Теологъ посвящаетъ всё свободное время на Поэзію и даже поставляетъ ее лучшимъ своимъ занятіемъ, тогда какъ вельможи и рыцари смотрятъ на нее съ презрѣніемъ? Безъ сомнѣнія, нынѣ должно казаться весьма страннымъ, что важный Теологъ предавался такимъ бездѣльнымъ отдохновеніямъ; но духъ того времени былъ еще довольно пѣщическій, и можно было ученымъ духовнымъ особамъ воспѣвать любовь и женщинъ безъ малѣйшей предосудительности для ихъ чести; ибо сіи предметы принадлежали еще къ Поэзіи, а пѣщическія мысли были не шѣ, изъ коихъ можно было выводилъ дурныя заключенія. Кажется, Генрихъ Мейсенъ посвяпилъ свою лиру единственно на похвалу женщинъ, и сіи послѣднія, уже давъ ему прозваніе своего апологиста, простерли благодарность даже за предѣлы сей жизни; ибо по смерти сего Стихотворца, случившейся въ 1517 г., онѣ отдали ему послѣдній долгъ, и толпами провожали до могилы (*). Не смотря на сіе, Генрихъ Мейсенъ, по смерти своей, мало заслуживаетъ вниманія; ибо стихотворенія его весьма посредственны и гораздо ниже другихъ Мейстерзенгеровъ того времени; они вообще принужденны, темны,

(*) Doesen's *Miscellen*, Т. II, стр 278.

наполнены игрою словъ, большею частію подобранныхъ для однихъ только рѣмъ. Мейсенъ, кажется, оспариваетъ у Регенбога, сочиненія коего представляютъ тѣ же погрѣшности, преимущество въ понукости ума. Въ стихотворныхъ апологіяхъ, онъ бралъ за образецъ Конрада Вирдбургскаго. Впрочемъ, Генрихъ Мейсенъ былъ въ большой славѣ въ школахъ того времени, въ коихъ стиххъ его, даже долго послѣ смерти, служили примѣромъ вкуса и совершенства.

Гансъ Гидлаубъ Цюрихскій, или изъ окрестностей сего города, писалъ также въ семь періодъ стихотворенія, подобныя рыцарскимъ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ писаннымъ славнѣйшими Швабскими Менеспремьями; посему самому даже вельможи и дворяне того времени, сохранившіе нѣсколько вкуса къ Поэзіи, искали его обществу. Онъ самъ называется въ своихъ стихахъ большое число Принцевъ и Прелатовъ, бывшихъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Его стихотворенія суть, большею частію, любовныя элегіи, переполненные прогашельной прототы въ романтической формѣ. Трудно было бы заимствовать естественную пріятность, находящуюся въ томъ изъ его сочиненій, въ которомъ онъ любитъ своею лю-

безною, играющею съ ребенкомъ (*). Сверхъ сего, мелодія и разнообразіе стиховъ увеличиваютъ очарованіе оной. Стихотворенія Гадлауба не безъ погрѣшностей, въ коихъ споль справедливо упрекаютъ древнюю Романтическую Поэзію Германіи; но должно прибавить, что оригинальность и живописный колоритъ сихъ погрѣшностей часто пріятнѣе скуднаго воображенія новѣйшихъ Стихотворцевъ.

Одинъ изъ пріятелей, соотечественниковъ и почитателей Ганса Гадлауба, былъ рыцарь *Рюдигеръ Манессъ*, достойный занимать мѣсто въ Исторіи Древней Нѣмецкой Поэзіи, не потому, что былъ самъ Стихотворецъ (что неизвѣстно); но потому, что тщательнѣе занимался собираніемъ произведеній, являвшихся въ его время. Собраніе, намъ оставленное имъ, шѣмъ болѣе драгоцѣнно, что показываетъ черпу, которал опдѣляетъ Менеспрелей отъ Мейсперзенгеровъ. Самъ Манессъ не думалъ представитъ оной; и въ великолѣпномъ его собраніи, украшенномъ всѣмъ, что изобрѣтали переписчики того

(*) Ach, ich sach sie trüten wol ein kindelin ;

Davon wart min

Muot libes irmant

Sie umbevieg es uude truchte es nahe an sich,

и пр. (Собраніе Манесса, Т. II).

времени, пріятными картинками и замысловатыми арабесками — спихотворенія менестрелей и Мейстерзенгеровъ смѣшиваются безъ всякаго различія и крипическаго порядка. Но изъ различія нарѣчій видно, что Швабское, съ которымъ возвысилась Романтическая Поэзія, было оставлено въ XIV ст. Съ сего времени начинается Поэзія, которую думали назвать *народною*. Манессъ, собравшій произведенія обѣихъ Школъ, имѣетъ сходство, по остроумному сравненію одного Крипика, съ шапуями, которыя первоначально спавились на границахъ двухъ различныхъ спранъ, и указывали обѣими руками на пущи, представляющіеся пупешественикамъ (*).

Когда Конрадъ Вирцбургскій писалъ свою Поэму: Троянская война, въ то самое время явился Вигамуръ, рыцарская эпопея, заимствованная изъ легенды Круглаго стола. Авторъ оной неизвѣстенъ. Она представляетъ столь много сходства съ Прованскими преданіями, что даже можно бы было принять ее за простое подражаніе, если бы въ подробностяхъ оной не представлялось большей оригинальности. Ходъ Поэмы немногосложенъ, но заключаетъ въ себѣ множество эпизодовъ, исполнен-

(*) Bouterweck's *Gesch. d. schön Redek.* T. IX.

ныхъ пріятности древняго романпическаго духа. Она представляетъ смѣшеніе важныхъ и смѣшныхъ идей, происшедшее отъ характера героя оной, Вигамура, юнаго рыцаря, сиреною воспитаннаго въ пещерахъ, совершенно чуждаго ходу свѣта и рыцарскихъ нравовъ, и поступавшаго въ приключеніяхъ, съ нимъ случавшихся, совершенно пропивно понятіямъ того времени. Все сіе доставило обширное поле воображенію Поэта, и часто дѣйствія его героя, который храбръ и любезенъ лишь по одному естественному побужденію, а не по правиламъ рыцарства, невольно представляють сапиру нравовъ того вѣка. Слогъ сей Поэмы естественъ и легокъ; полагають, что сначала она была написана на Швабскомъ языкѣ, и что простота ея упростилась въ переложеніяхъ на другія нарѣчія (*). Сочиненія Стихотворца извѣстнаго подъ именемъ *Скриба*, или Писца, кажется, принадлежатъ также ко временамъ паденія древней Поэзіи. Сей трудолюбивый мужъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ болѣе названіе писца, нежели Стихотворца, и его Поэма о войнѣ Карла Великаго съ Испанскими Сарацынами была, по видимому, переводъ ка-кого нибудь Франкскаго или Латинскаго

(*) *Eschenburg's Denkmäler*, стр. 1.

сказаніи. Карлъ Великій отправляется въ походъ для обращенія еретиковъ въ Христіанство; онъ главный герой Поэмы, а за нимъ слѣдуетъ знаменитый Орландо; составляется планъ атаки, производятъ переговоры и скоро съ ожесточеніемъ начинается война; Мавры храбро защищаются; наконецъ начинается генеральное сраженіе, и Франки разбиты при Ронцеваллѣ, гдѣ Сарацины потерпѣли столь большую потерю, что Король ихъ, Марсплій, умираетъ съ печали. Такова завязка Поэмы. Не должно ожидать отъ Стихотворца того времени высокихъ вдохновеній, которыя внушали Аріосту повѣствованіе объ Орландѣ; но можно бы было надѣяться найсти менѣе скуки въ рыцарскомъ сочиненіи, писанномъ въ то время, когда рыцарскіе нравы не совершенно еще исчезли. Въ ней только найдутся мысли, внушенныя самымъ грубымъ фанатизмомъ, и поэпическій полетъ, ограниченный уже скуднымъ воображеніемъ Поэта и еще болѣе зависящій отъ мрачнаго и монотоннаго суевѣрія того времени. Кромѣ сего сохранились еще нѣкоторыя отрывки изъ другихъ сочиненій Скриба; изъ сего числа извѣстна нѣкоторая часть повѣствованія о *Вильгельмѣ Блументалѣ*, и Басни, которыя, вообще, имѣютъ характеръ перваго сочиненія сего Стихотворца.

Дидактическій родъ, который пребудетъ болѣе ума, нежели чувствованія, болѣе поэтической силы, нежели воображенія, усовершенствовался въ Германіи, между тѣмъ, какъ древняя Германская Муза безпрестанно теряла прежнія свои вдохновенія. Между лучшими Сапирами того времени, должно замѣтить извѣстныхъ подъ именемъ *Бьгуна* (der Renner). Авторъ сего сочиненія, *Гуго Тримбергъ*, былъ, по собственному его показанію, Тюрингскимъ (близъ Бамберга) Педагогомъ; въ продолженіе сорока лѣтъ своей жизни, онъ непрестанно занимался сочиненіями на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Гуго надѣялся быть споль ученымъ и извѣстнымъ, чибобы славу свою провести въ счастливомъ довольствѣ; но онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, и весьма трогательнымъ образомъ жалуется въ стихахъ своихъ на равнодушіе соотечественниковъ его къ Наукамъ и на малое уваженіе ихъ къ заслугамъ бѣднаго и ученаго Педагога. Книга Гуго Тримберга, извѣстная подъ сланнымъ названіемъ *Бьгуна*, есть собраніе довольно темныхъ размышленій о мірѣ и чловѣкѣ, остроумныхъ мыслей и разсказовъ въ разныхъ родахъ. Сочиненіе начинается холодною аллегоріею, въ которой Стихотворецъ сравниваетъ свое собраніе съ обширнымъ садомъ,

усѣянными цвѣтами и плодоносными деревьями; за симъ слѣдуетъ нѣсколько главъ, названія коихъ показываютъ самое содержаніе, какъ напр. *Молодыя дѣвушки, Злые владытели, Скупые дворяне, Священники, Монахи*, попомъ сказки, каковы напр. *о молодой сумасшедшей и о старикѣ, о злой хозяйкѣ и разбойникахъ*, и наконецъ нравственные и фізіологическія опредѣленія нѣкоторыхъ живописныхъ. Размышленіе о Спрашномъ Судѣ оканчиваетъ сію разнородную смѣсь, въ которой однако же можно найти остроумныя мысли, замѣчанія и нѣсколько пріятныхъ разсказовъ.

Сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ *Вольнаго Духа* (Freidank или Freigedank), есть образецъ, съ котораго Гуго Тримбергъ бралъ свои разсужденія, въ коихъ встрѣчаются собственныя его мысли и обороты, какъ напр. въ сказкахъ, болѣе смѣшныхъ, нежели нравственныхъ. Простое краснорѣчіе придаетъ еще болѣе силы смѣшнымъ положеніямъ, которыя весьма часто въ нихъ встрѣчаются и одушевляютъ сапиру рыцарскихъ нравовъ и характеры тѣхъ, которые хопяшъ образоватъ умъ свой чтеніемъ рыцарскихъ романовъ. Въ сочиненіяхъ Гуго Тримберга найдутся многія мѣста, которыя выдержали бы сравненіе съ славнымъ разговоромъ

Сервантеса между Паперомъ и Бакалавромъ, когда они осматриваютъ библіотеку Донъ Кихота. Другія мѣста изъ Бьгуна показываютъ филологическія занятія, коимъ предавался Авторъ сего собранія, особенно глава о *нѣкоторыхъ языкахъ* заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности о различныхъ нарѣчіяхъ Германіи (*).

Другія дидактическія сочиненія, въ концѣ вѣка Швабовъ, извѣстны только по названіямъ изъ манускриптовъ, которые въ новѣйшія времена еще не были изданы. Между ними именуютъ *Поэму на шахматную игру*, *Конрада Амменгаузена*, и другія на

(*) Die Schwaben jhr wörter spalten,
 Die Francken ein theyl sie falten;
 Die Beyern sie zu zerren,
 Die Doeringen sie auff sperren
 Die Sachssen sie underzücken,
 Die Reinlender sie under drucken,
 Die Wederauwer sie würgen,
 Die Meissener sie wol ausschürgen.
 Eger landt die wörter schwencken,
 Steyer landt sie bass lencken,
 Oster landt sie schrencken,
 Kernthen ein theyl sie sencken,
 Böhem, Ungern, Polen, Lamparten,
 Die hauwen nit mit Teutscher Barten,

и проч.

любовь, на охоту; стихотворный переводъ нравственныхъ наставленій Аристотеля и Прологъ подъ названіемъ: *Благословеніе Товіи*. Въ концѣ XIII ст., Драмашическая Поэзія представляеть также нѣсколько опытовъ, изъ коихъ сохранился опрывокъ изъ духовной Драмы, или мистеріи, которая, кажется, была написана въ сіе время и составляетъ часть цѣлаго ряда пьесъ въ семь родѣ, написанныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Но въ то время, до половины XV - го столѣтія, когда Мейстер-зенгеры начали устраивать въ Имперскихъ городахъ національные театры, Нѣмцы не имѣли ни малѣйшаго попеченія о сохраненіи сочиненій сего рода. Въ послѣдніе годы вѣка Швабовъ, Нижне-нѣмецкіе Писатели показали также опыты игры воображенія. Швабское нарѣчіе, давно уже оставленное въ высшемъ обществѣ, вдругъ снова входитъ въ употребленіе, когда арфа Менестрелей перешла въ руки простолюдиновъ — Нѣмецкихъ ремесленниковъ. Большая часть сочиненій сего времени, написанныхъ на Нижнемъ нарѣчій, суть небольшія сказки и повѣсти, заимствованныя изъ писанныхъ на Верхнемъ Нѣмецкомъ или Провансскомъ языкахъ; таковы сказки: *Цвѣтокъ и большій цвѣтокъ*, и небольшой рассказъ, преисполненный удивительной простоты; онъ извѣстенъ подѣ

заглавіемъ: *Счастіе угающихся*. Еще упоминаютъ о нѣкоторыхъ легендахъ, писанныхъ на Нижне-нѣмецкомъ языкѣ, изъ коихъ сохранился одинъ отрывокъ *Годерта Гагена*, Кельнскаго Актуаріуса. Если судить по этому отрывку, то все сочиненіе имѣетъ обыкновенный характеръ легендъ того вѣка, которыя, кажется, только и писались для того, чтобы дать нѣкоторую мѣру непостижимъ, коими позволялось обманывать легковѣрное невѣжество Христіанъ того времени.

Съ Французск. С. С.

Москва.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

ОБНОВЛЕНІЕ.

Чуть крылатая весна
 Радостью повѣстъ:
 Оживаетъ спарина,
 Сердце молодѣетъ!
 Присмирѣлы мечны
 Рвутъ долой оковы,
 Словно южные цвѣты,
 Рядятся въ обновы!
 И любви злые сны
 Осѣняя вѣжды —
 Вновь и вновь озарены
 Радугой надежды.

А. Б.

КАЖДОМУ СВОЕ.

(Изъ Гете).

Ключъ бѣжишь въ ущелье горъ,
Въ небѣ свистъ, шумановъ хоръ,
Муза манишь къ волѣ, въ поле,
Трижды шридевать и болѣ.

* * *

Вновь напѣвенный бокалъ
Жарко новыхъ пѣсень просишь;
Время капишь шумный валь,
Но опять весну приносишь!

А. Б.

V.

АНТИКРИТИКА.

Письмо къ Издателю.

Издавна будучи ревностнымъ читателемъ вашей Пчелы, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что въ ней можетъ подаваться голосъ и, такъ называемая, *противная сторона* (audiat et altera pars). Къ несчастію, (а можетъ быть и къ счастью), я принадлежу къ сторонѣ, во многомъ несогласной съ мнѣніями того Г-на Рецензента, который почтилъ своимъ вниманіемъ книжку:

Обозрѣніе Исторіи Философіи, соч. Аста. (No 112 С. Пч.). Надѣюсь, что вы будете столько благосклонны, что позволите мнѣ сказать, въ вашей Газетѣ (*), нѣсколько словъ въ защиту праваго дѣла. И книжка, и рецензія — вещи незначительныя (**), но дорога правда, которая въ рецензіи не слишкомъ уважена. Въ подтвержденіе послѣдней мысли, съ вашего позволенія, я приведу доказательство.

„Рецензентъ почитаетъ нужнымъ сказать, (такъ онъ про себя говоритъ), что обозрѣніе, извлеченное Г-мъ Астомъ изъ пространнаго его Руководства, коего нѣтъ на нашемъ языкѣ, не много принесетъ пользы тѣмъ, которые не могутъ читать на Нѣмецкомъ языкѣ той книги, которой сокращеніе, въ полномъ смыслѣ сего слова, имѣютъ предъ глазами, и жалѣетъ, что слишкомъ строгіе судьи, можете быть, скажутъ, что сія книжка даже бесполезна.“ Въ сихъ словахъ сердобольнаго Рецензента есть нѣсколько правды, но гораздо больше неправды. Первая заключается въ словахъ: *слишкомъ и можетъ быть*, послѣдняя усматривается изъ нижеслѣдующихъ двухъ пунктовъ: 1) *польза* есть нѣчто относительное, а разсуждая о ней, мы всего чаще имѣемъ въ виду *свою пользу*. То же должно разумѣть и о *бесполезности*. Рецензентъ, полагая, что *Обозрѣніе Исторіи Философіи*, можете быть, признано бу-

(*) Положивъ правиломъ не печатать въ Свѣ. Пчелѣ спорныхъ статей, помѣщаемъ аншикришку сію въ Сынѣ Опачества. Изд.

(**) Первая продается по два рубля.

дешь бесполезнымъ, напрасно не означилъ того класса читателей, о пользѣ коего онъ столько печется. Извѣстно, что читатели вообще дѣлясь на три разряда: одни стоятъ на одной ступени съ Авторомъ, другіе на высшей, третьи на низшей: очень естественно, что *Обозрѣніе Исторіи Философіи*, какъ и всякое другое сочиненіе, для однихъ будетъ излишне, для другихъ бесполезно, а для нѣкоторыхъ полезно и нужно. Тутъ, кажется, не о чемъ жалѣть. 2) Г. Рецензентъ умозаключаетъ: „Обозрѣніе Исторіи Философіи есть сокращеніе пространнаго (въ 446 страницъ in 8) Ашова Руководства къ Исторіи Философіи; но сего Руководства нѣтъ на Русскомъ языкѣ: слѣдственно *Обозрѣніе Исторіи Философіи* не много принесетъ пользы Русскимъ читателямъ.“ Вотъ подобное умозаключеніе: *Руководство къ Исторіи Философіи Теннемана* есть сокращеніе пространной *Исторіи Философіи*, того же Автора; сей Исторіи нѣтъ на Русскомъ языкѣ: слѣдственно и означенное Руководство не много принесетъ пользы Русскимъ читателямъ. Но спрашивается, почему Г. Издатели Сѣверной Пчелы, въ слѣдъ за разбираемою теперь рецензіею, съ удовольствіемъ извѣщаютъ любителей Философіи, что Теннеманово Руководство переводится на Русскій языкъ? Вѣрно, есть польза кому нибудь (*)?

(*) Непосредственное помѣщеніе объявленія о книгѣ Теннемана за криптикою на Аспна произошло случайно. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ всякой полезной книги. Польза въ томъ не кому нибудь, а всѣмъ, занимающимся Наукамъ. Изд.

Рецензенту хотѣлось бы, чпобы „Переводчикъ присовокупилъ какія нибудь замѣчанія на тѣ мѣста, которыя рѣшительно не могутъ быть понятны по необыкновенной для книгъ сего рода краткости.“ Желаніе истинно непонятное и неумѣстное! Какъ ясно ни говорите въ своей книгѣ о предметахъ философскихъ, а все кпо нибудь не поймешъ васъ: вспомните о вышеупомянутыхъ прехъ классахъ чипашелей. Но кому непонятна книга, тошъ и не читай ея; она не при немъ писана. И какихъ замѣчаній пребуешъ Рецензентъ? *Обозрѣніе Истории Философій* естъ конспектъ ея (можетъ быть, для иныхъ конспектъ понятнѣе обозрѣнія), и на конспектъ надобно дѣлать замѣчанія?

„Ашту — говорите Рецензентъ — издававшей сию книжку, вѣроятно, для облегченія слушателей въ изученіи Истории Философій, могла быть позволена краткость, но Переводчику надлежало бы, кажется, предварительно размысливъ, въ какомъ видѣ можетъ быть полезна сія книжка, и тогда издашь.“ Опять о *пользѣ*, Богъ знаетъ, какой! И развѣ Г. Рецензенту извѣстна цѣль, для которой переведено *Обозрѣніе Истории Философій*, что онъ Ашту прощаетъ изданіе сей книжки, а Переводчику не прощаетъ? Кажется, Рецензентъ слишкомъ полагается на свою прозорливость.

Въ переводѣ замѣчены слѣдующіе недосматки:

1. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ невѣренъ и неопредѣлительнъ, напр. стр. 25, *истое* благо; стр. 32: существо *премірное*.“ Не понимаю, что здѣсь невѣрнаго или неопредѣлительнаго. Можетъ быть, Рецензентъ думаетъ, что слова

истый (ἀληθινός) и *премірный* (ὑπερκόσμιος) будутъ непонятны нѣкоторымъ изъ чашапелей? Дѣло возможное. Но кто понимаетъ значеніе словъ: *идеальный*, *реальный* и проч. тошъ пойметъ и вышеуказанныя выраженія. — „Спр. 71: чувствительность (въ книжкѣ: чувствительность) есть пріемлемость (spontaneitas), разсудокъ произвольности (receptivitas). Сии Русскія слова соотносятся съ Латинскими.“ Что правда, то правда. Въ подлинникѣ стоишъ: Die Sinnlichkeit ist Receptivität, der Verstand Spontaneität. Слѣдственно переводчикъ виноватъ въ томъ, что умѣвши перевести сію фразу, не сумѣлъ помѣстивъ на своихъ мѣстахъ переведенныя слова. Ошибка, впрочемъ простительная въ глазахъ знающаго Латинскій языкъ, а незнающій не осудитъ.

2. „Есть дурная перестановка словъ.“ Указано одно мѣсто, которое находится будио на 33 стр. Читайъ я сію страницу, но не омыскалъ тѣхъ словъ, которыя приведены въ рецензіи. Все замѣчаніе о дурной перестановкѣ словъ едва ли не есть — опечатка.

3. „Въ цѣлой книжкѣ множество опечатокъ и даже грамматическихъ ошибокъ, которыя каждую минушу оспанавливають чашапеля.“ Справедливо: всѣхъ опечатокъ — *семь*, погрѣшностей грамматическихъ — *три*, и того, во всей книжкѣ, *десять* ошибокъ. Поелику же всю книжку можно прочиташъ въ десять минушъ, то на каждую минушу прійдется по одной ошибкѣ. Вычисленіе вѣрное! Ошибки грамматическія суть слѣдующія: 1) шѣла *Ласіевъ*, вмѣсто *Лаговъ*. Но Г. Рецензенту надлежало бы прежде заглянуть въ Alphabeticum

Tibetanum, и потомъ уже писать рецензію. 2) *капелъ* вм. *капель*: ошибка неизвинительная! 3) *Пиагорики* вм. *Пиагорейцы*. И это ошибка. Но вотъ недоумѣніе: въ Фотиіевомъ *Толку книжѣ* (*μυρίοβιβλον*), называемомъ обыкновенно Библіотекою, сказано (CCXLIX. I.), что ученики *Пиагора* дѣлились на три разряда: одни назывались *Пудажориды*, другіе *Пудажорейцы*, третіи *Пудажориты*. Хотѣлось бы знать, какъ почтенный Рецензентъ переведетъ сіи термины: кажется, безъ Пиагориковъ не обойдется дѣло. Далѣе, Платоники неужели то же, что Платончики, Аристотелики то же, что Аристотельчики? По этому и Новоплатоникъ есть уменьшительное имя отъ слова *Новоплатонъ*? Изрядная этимологія! — *Опечатокъ* въ цѣлой книжкѣ, на 77 страницахъ, не болѣе семи. Но Рецензентъ можетъ своимъ опытомъ убѣдиться что сіе зло почти неизбежно: на двухъ страницахъ его рецензіи — двѣ опечатки: 1) указана неправильно 33 стр. и 2) поставлено *ἐξωχῆν* вмѣсто *ἐξωχῆν*: нельзя повѣрить, чтобы это были не опечатки.

„Рецензентъ не хочетъ думать, чтобы рѣшившійся издать переводъ *Исторіи Философій*, не имѣлъ свѣдѣній въ Философіи, а потому удивляется, что Переводчикъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ является пуристомъ.“ А еще удивительнѣе, что Рецензентъ находитъ какую-то тѣсную связь между свѣдѣніями въ Философіи и пуризмомъ. И изъ чего видѣть пуризмъ Переводчика? Изъ того, что что онъ, вмѣсто *градуса*, поставилъ *степень*! — Рецензенту не правились Лашинскія слова: *субстанціальный, элементарный, индивидуация, абсолютный*

и проч. Но кому они правятся? То бѣда, что не чѣмъ замѣнить ихъ. Напримѣръ, слово *субстанціальный*, неужели можешь быть удачно замѣнено (какъ полагаетъ Рецензентъ) словами: *самобытный, самосушный*? Спиноза называлъ субстанцію существомъ самобытнымъ, но другіе мыслили иначе разумѣли и разумѣютъ ее. Душа человѣческая есть субстанція, неужели это значить, что душа человѣческая есть существо самобытное? Много чести! Развѣ какой нибудь опчаянные эгоисты, безъ сомнѣнія не Русской, и то въ сильномъ метафизическомъ бреде, опважился шутловать такимъ образомъ свое ничтожное Я.— Г. Рецензентъ указываетъ на терминологию Г. Галича. Къ сожалѣнію, должно сказать, что образецъ выбранъ неудачно. Мало найдется охотниковъ послѣдовать Г. Галичу въ словоупотребленіи. У него есть, напримѣръ, *наглядное познаніе* (*cognitio intuitiva*), *подстилка* (*substratum*) *сужденіе вывороченное наизнанку* (*contrapositum*) и проч. Въ протспорѣчій говорится: *милый мой, ненаглядный мой*, и — повашно. Но что такое *познаніе ненаглядное* или *наглядное*, едва ли разгадаетъ чашапель, незнающій Латинскаго языка. То же должно сказать о *подстилкѣ, съ сужденіемъ, вывороченнымъ наизнанку*: сіи слова не нужны Философіи. Изъ сихъ примѣровъ можно вывести такое слѣдствіе: вмѣсто того, чтобы для выраженія философскихъ понятій употреблять слова Русскія, но невразумительныя и невыразительныя, благоразуміе будетъ — давать право гражданства въ нашемъ языкѣ словамъ Латинскимъ. Философія не ниже, напримѣръ, Машема-

тики, но въ сей терминологіи не Русская. Паралелограммъ, параллелипипедъ, эксцентриципешъ и подобныя слова спбѣютъ субстанцій, индивидуаций и пр. Почему же то самое, что позволено Геометру, не позволено Философу? Въ нашемъ краю, умные люди такъ разсуждаютъ: Наука есть гражданка всего міра. Она знаетъ всѣ языки, и для выраженія своихъ мыслей выбираетъ изъ всѣхъ языковъ наилучшія слова. Напрасно Г. Рецензентъ не любитъ Лашини.

Прочіе замѣчанія Рецензента точны и безпристрастны. За это спасибо ему. Г. Издатель Обозрѣнія Истории Философіи, вѣроятно, благодаритъ его и за добрый совѣтъ, „не слишкомъ поропишься въ слѣдующихъ трудахъ своихъ по Философіи, которая (NB) есть Наука *иητ' ἐξωχῆν*. Жалко, что сей совѣтъ немного опоздалъ. Можетъ быть, *Обозрѣніе Истории Философіи* подождало бы *Руководства къ Истории Философіи*. Но что дѣлать? — Аспъ помоложе, а Теннеманъ устарѣлъ, и Кантовскіе очки его теперь почти въ опсавкѣ.

Нужное все сказано. Остаеся кончить письмо.

И такъ примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ почтеніи къ вамъ, съ каковымъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Д.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Въ Монитерѣ напечатано донесеніе Президента Совѣта, Г-на Перье, Королю о возникшихъ въ западныхъ Департаментѣхъ смятеніяхъ, и Королевское повелѣніе 16-го Мая, коимъ Генераль-Лейтенантъ Бонне назначается чрезвычайнымъ Коммиссаромъ въ 4, 12 и 13-й военныхъ дивизіяхъ. 17-го числа Генераль Бонне уже прибылъ въ Нантъ. По извѣстіямъ, сообщаемымъ Французскими Журналами, на обоихъ берегахъ Лоары составилось около двѣнадцати шакъ, каждая отъ 30 до 50 человекъ; жищели не смѣюшъ ни прошивишъся имъ, ни доносишъ на нихъ, изъ страха мщенія. — Въ Монитерѣ же сказано, что нынѣ въ Департаментѣхъ сихъ находишъ досташочное число войска для возстановленія порядка.

Говоряшъ, что Вице-Адмираль Вергюзль назначенъ будетъ Посланникомъ въ Константиннополь, на мѣсто Графа Гильемино.

Генераль Гезнѣкъ назначенъ Главнокомандующимъ войсками въ Морѣ, на мѣсто Генерала

Шнейдера, возвращающагося во Францію по причинѣ разсброеннаго здоровья.

Герцогъ Жуанвильскій прибылъ въ Тулонъ 13-го Мая. Въ семь портъ получено повелѣніе, привести опять въ мирное положеніе недавно вооруженные корабли.

Государственный Совѣтъ занимается разсмотрѣніемъ важнаго предположенія — построенія чугунной дороги между Парижемъ и Діеппомъ, предложеннаго компаніею; но кажется, Министерство намѣрено учредить для сего торги, затрудняясь въ согласіи на преимуществва, требуемыя компаніею.

По приглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Королевская Медицинская Академія, въ засѣданіи 19-го Мая, назначила Коммиссію изъ шести Медиковъ и трехъ Хирурговъ для наблюденія холеры въ Россіи и въ Польшѣ; Медики суть: Г-да Бударъ, Клоке, Жерарденъ, Лондъ, Дальмасъ и Сондра; Хирурги: Геймаръ, Дюбле и Алиберъ.

Число избирателей въ Департаментъ Сенскомъ нынѣ 15,459, тогда какъ въ прошедшемъ году оное едва доходило до 10,000.

Профессору Кузену поручено отъ Министра Народнаго Просвѣщенія поѣхать въ Германію и собрать точныя свѣдѣнія объ устройствѣ тамошнихъ Университетовъ.

Есть проектъ объ устройствѣ чугунной до-

роги между Бордо и Байонною. Правительству уже подано прошеніе о позволеніи.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лиссабона, въ Тагъ вошелъ Фринцузскій 60-ти пушечный фрегатъ; другаго такого же ожидали съ часу на часъ: на немъ былъ Главнокомандующій эскадрою, по собраніи коей сдѣланы будутъ Д. Мигуэлю послѣднія требованія.

Изъ Алжира пишутъ опъ 9-го Мая, что опшуда опсправлена экспедиція для наказанія Кабилловъ и осмотра части равнины Мешиджи и Апласа, кошорыхъ не могли хорошо узнать въ прошедшій походъ.

А н г л и я.

Англійская экспедиція въ Португаллію увѣнчана совершеннымъ успѣхомъ. Въ газетахъ напечатана нота Генеральнаго Консула, Гоппнера, поданная Португальскому Правительству 25-го Апрѣля, и содержащая въ себѣ десять различныхъ требованій, относящихся до вознагражденія за взятыя близъ Терсеры Англійскія суда, возстановленія чести и вознагражденія Англійскихъ подданныхъ, заключенныхъ въ шюрму; опспавки или публичныхъ выговоровъ начальствующимъ лицамъ, виновнымъ въ подобныхъ дѣлахъ; сложенія привозныхъ пошлинъ на Англійскіе товары, наложенныхъ вопреки существующимъ договорамъ; ручательствъ на будущее время, и пр.

Г-нъ Гоппверъ объявилъ, что не можеть опспу-
пить ни мало опъ сихъ шребованій; что шесль
военныхъ кораблей уже пришли въ Тагъ; что
онъ не можеть дать болъе шрехъ дней срока для
опвѣща; что въ случаѣ неполученія онаго онъ
выѣдетъ изъ Лиссабона, и что начальникъ Анг-
лійской эскадры имѣетъ повелѣніе брать всѣ су-
да подъ Португальскимъ флагомъ и опшодить
оныя въ Англію. Д. Мигуэль согласился на удо-
влетвореніе всѣхъ сихъ шребованій.

По расчешамъ Издашелей Courrier, между 513
Членами Парламенша, выбираемыми въ Англіи и
въ Валлисѣ, должно оказашься болъшинство 105
голосовъ въ пользу билля о преобразованіи. Въ
Times болъшинство сіе полагается до 160.

Вице-Адмиралъ Сиръ Г. Гошамъ вышелъ, 20
Мая, изъ Портсмута на 120-ти пушечномъ ко-
раблѣ Винцентѣ, въ Средиземное море, для при-
нятія начальства надъ тамошнюю Англійскую
эскадру.

Экспериментальная эскадра, — шакъ ее назы-
вають, — гошовящаяся выйти въ море изъ Порт-
смута, подъ командою Вице-Адмирала Кодрингшо-
на, естъ самое значительное морское вооруженіе,
которое опходитъ изъ Англіи со времени экспе-
диціи Лорда Эксмута.

По донесенію Вице-Короля Ирландіи, въ сей
споронѣ нѣтъ безопасности для имуществъ, если
не будутъ присланы войска. Чернь завладѣваетъ
всѣмъ, что ей кажется пригоднымъ, не смотря

на сопротивленіе владѣльцевъ. Лордъ Энгльси опасался, чтобы сіи безпорядки не усилились, если не будутъ немедленно приняты спротива мѣры.

Въ Ирландіи умеръ, въ помѣстьяхъ своихъ, Графъ Доноуморъ, бывшій Генералъ Лордъ Гулчинсонъ, который, по смерти Аберкромби, принялъ начальство надъ Англійскою арміею въ Египтѣ и принудилъ Генерала Мену выйти изъ онаго съ Французскою арміею.

Въ Лондонъ прибыли посланный Аббасъ-Мирзы, Саидъ-Ханъ, и знаменитый скрипачъ Патанини.

По чугунной дорогѣ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ перевозятъ уже скопъ въ паровыхъ повозкахъ; компанія нарочно спротивъ теплыни для сего употребленія.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Прусскій Король издалъ постановленіе, чтобы конфискованныя имѣнія Прусскихъ подданныхъ, находившихся въ Польшѣ и не возвратившихся опшуда въ свои дома, употреблены были на общепользныя заведенія въ Герцогствѣ Познанскомъ.

Рыбаки изъ Чивита-Нуовы вытащили изъ моря шюкъ, въ которомъ нашлась вся переписка Италіянскихъ карбонаровъ съ иноземными; шюкъ сей вѣроятно брошенъ былъ Генераломъ Цукки или кѣмъ нибудь изъ его спутниковъ.

Въ Испаніи запрещенъ ввозъ Англійскихъ газетъ и брошюръ подъ опасеніемъ взысканія пенъ въ 500 піаспровъ.

Знаменипал Капалани поселилась близъ Флоренціи, и завела школу пѣнія для бѣдныхъ дѣвицъ.

По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 12 Мая, Султанъ получилъ отъ Верховнаго Визиря донесеніе о совершенномъ разбитіи Мустафы-Паши, бѣжавшаго въ Искюдери (Александрію) въ сопровожденіи только чепырехъ или пяти чело-вѣкъ. Всѣ, принимавшіе участіе въ возмущеніи, спараются покорностію загладить вину свою и заслужить прощеніе. Верховный Визирь обнародо-валъ повелѣніе, чтобы задержали Мустафу - Пашу, если бы онъ возвратился въ Скодру.

По письмамъ изъ Греціи отъ 17-го Апрѣля, смяшенія, происшедшія въ нѣкоторыхъ областяхъ по проискамъ небольшого числа злонамѣренныхъ людей, совершенно прекращены присутствіемъ Президента, Графа Каподистрія, коего мудрыя мѣ-ры увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ.

VII.

С М Ъ С Б.

О в и с т ь.

(Письмо къ Издашелю.)

По благорасположенію вашему напечатаны были прежнія замѣчанія наши о вистовой игрѣ, въ Журналъ вашемъ. Просимъ васъ покорно помѣстить въ ономъ же *краткія дополнителныя замѣчанія* о семъ же предметѣ. Поводомъ къ сочиненію сему была статья: *Вѣрныя вистовыя*, напечатанная въ X номерѣ Польскаго Журнала Бадамунъ. Поелику прежняя статья наша принята была съ отличною благосклонностію, то мы надѣемся, что и слѣдующія замѣчанія — повѣренныя опытами — удостоятся того же вниманія. Намъ извѣстно изъ вѣрныхъ рукъ, что двое почтенныхъ любителей вистовой игры, не найдя въ книжныхъ лавкахъ замѣчаній нашихъ, особо напечатанныхъ, подписались на получение Журнала вашего (*).

Честъ имѣемъ и проч.

Е. К. Е. М. Б.

(*) Точно такъ; но счесть подписавшихся не вѣремъ. Можемъ увѣдомить неизвѣстныхъ нашихъ *вистовыхъ* корреспондентовъ, что ихъ статья доставила намъ не менѣе *стали подписчиковъ*. Изд.

Дополнительныя правила вистовой игры,

I. Неиграющій въ вистъ есть гость весьма щегошливый для хозяина, который, размѣстивъ всѣхъ почтенныхъ пріятелей по карточнымъ столамъ, былъ бы истинный и независимый баринъ, ежели бы неиграющіе съ вистъ разошлись. Но увы! они остались, и хозяинъ спановится рабомъ ихъ, жертвою неумолчныхъ говоруновъ, А., В., М., и проч.

II. Когда вскрытый козырь бываетъ двойка или девашка, то одинъ изъ играющихъ имѣетъ непременно пять козырей.

III. Кто ходитъ съ короля, тотъ непременно имѣетъ туза или даму со свисой.

IV. Кто кладетъ на чужой инвистъ короля, у того онъ самъ-другъ.

V. Кто ходитъ съ сингильтона, тотъ не умѣетъ играть и, по мнѣнію Англичанъ, достоинъ висѣлицы.

VI. Кто, имѣя туза и валета, будучи во второй рукѣ, не кладетъ послѣдняго, тотъ никогда не будетъ первостепеннымъ игрокомъ, и годится только на присяжку.

VII. Кто, имѣя шесть козырей — и въ числѣ оныхъ только двѣ фигуры, короля и даму, — ходитъ съ короля, а не съ маленькой, тотъ очень плохой игрокъ.

„(Мы, Е, К, Е, М, Б, несогласны съ мнѣніемъ Польскаго Автора: должно непременно ходить съ короля; ибо остальные семь козырей „могутъ быть такъ раздѣлены въ рукахъ прочихъ игроковъ, что, ходя съ маленькой, можно „опдать при козыря.“)

VIII. Кто, проигравъ при роберта, играетъ четвертый, тотъ касмѣхается надъ счастьемъ и утѣшается воздушными замками.

(„Мы, Е, К, Е, М, Б, считаемъ нужнымъ „присовокупить: въ игрѣ съ коншинуаціями должно непремѣнно играть четвертый робертъ. Въ „семъ случаѣ выигрышъ содержимся къ проигрышу, какъ 70 къ 30.“

IX. Кто во время игры извѣщаетъ паршнера своего непозволенными знаками, или даже и разговорами — тотъ имѣетъ очень сильное желаніе выигрывать, и увы! весьма мало денегъ.

X. Въ заключеніе можно предложить весьма полезный совѣтъ хозяевамъ. — Когда вы, почтенные господа хозяева, желая занять ихъхъ пріятелей своихъ, которые дѣлаютъ вамъ честь посѣщеніемъ, будете предлагать имъ карты; то выдумывайте средства — приличныя времени и лицу — чѣмъ не вамъ плашиться за проигрышъ, ибо хотя всѣ почтенные пріятели ваши люди весьма честные и благородные; но Г. А., за котораго вы заплашили, былъ внезапно командированъ въ Аспраханъ, и тамъ умеръ; Г. Б., на другой день послѣ бывшей у васъ игры, поѣхалъ въ армію, и попалъ въ плѣнъ къ Лезгинцамъ; Г. С. долженъ былъ уѣхать въ деревню, и, по спеченію обшояпельствъ, не возвращается въ столицу. — Господа D, E, F, G, и пр. и пр. и пр. извиняюшся всегда предъ вами въ неимѣніи денегъ, да и бо-
лье къ вамъ не ѣздяшъ.

Мал 30.
